

* * *

А.А.А.

– Если время моё не вышло
И мой голос усталый слышно,
Кто бы в чём ни винил облыжно
(Пусть прошедшего не спасти!),
Я рискну, повторяясь в меру
И по смыслу, и по размеру,
Сохраняя любовь и веру,
Оглянуться на полпути...
Ах, язык мой неосторожный
Выбрал этот размер трёхсложный,
Как единственно здесь возможный,
Как претензию на изыск, –
Но слова, составляясь в строки,
Шепчут: – Уровень-то высокий,
Как в Чарджоу месяц двурогий,
А приёмчик твой – однобокий!
Чем ответишь за этот риск? –
Отвечаю, что сожалею:
Зря ввязался в эту затею,
Но уже отступить не смею
Да и, собственно, не хочу, –
Из последних сил, на излёте
(Оттого на единой ноте!),
Оставаясь, как все, в пролёте,
Я от горечи в крик кричу!
Я кричу: – Как же так случилось?
Ничего ведь не получилось!
Муза, ты мне скажи на милость,
Что нам делать? Кто виноват?
Столько крови, и слёз, и пота
Поглотила одна забота,
Выбрав эту страну для взлёта

И, в конце концов, ввергнув в ад!
В ад крошечный, – реальный, здешний
(И напрасен весь опыт прежний!), –
Ад, в котором народ мой грешный
Пребывает, как пребывал, –
О тщета! О юдоль земная,
И безжалостная, и злая!
На пути своём всё сминая,
За обвалом грядёт обвал.
Новый век – он ещё железней,
Только видом своим прелестней, –
Он пятой придавил болезней,
Эпидемий и катастроф, –
И увы, кто б ни стал стараться,
До причин ему не добраться,
Не пробиться и не прорваться,
И для следствий не хватит слов!
Вот и мне, исхлестав Пегаса,
По теории ОПОЯЗа,
Не извлечь виноград из мяса,
Даже если лопнет струна, –
Уповать лишь могу на Бога,
И опять стою одиноко,
И кремнисто блестит дорога,
И, как дыня, над ней – луна...

* * *

О.Э.М.

Прошло чуть больше полувека
С той достопамятной поры,
Когда ваяли человека,
Посыпав солью топоры...
Играет музыка, и флаги
Полощет ветер перемен,

И стал заменой бумаги
Повсюду полиэтилен.
Разрушен старый мир навеки,
До основания своего, –
Пора забыть о человеке
И назначении его!

Вот день грядущий подступает
Вплотную, пряча номера,
И механизм перерубает
То, что осталось от вчера...

«Back in USSR!»

А ведь всё было когда-то! –
И не случится теперь...
Жаль, не запомнилась дата,
Дата была бы, как дверь:
Стукнул три раза привычно –
Дверца открылась: – Входи!
Вот тебе стопка «Столичной», –
Нервы свои остуди!

А на закуску – пельмени
И разговор до утра, –
Жили ведь боле, чем мене,
Вместе кричали «ура!»...
Ну а что фига в кармане, –
Это ж во все времена! –
Лучше обман на обмане,
Чем мировая война...
Что-то мы не разглядели,
Что-то понять не смогли, –
Лучшие годы летели,
Словно твои журавли.
И пролетели со свистом,
И не вернуть – не зови!
Просьба: считать коммунистом
Партии «Братской любви»...

* * *

Время мчит всё быстрее... Где границы
Между прошлым и нынешним днём?
Что мы помним о прошлом столицы,
Освещённой Победы огнём?
Глядя из двадцать первого века
В век двадцатый, в Советский Союз,
Помним ли о правах человека
Больше – «тройка, семёрка и туз...».
Что ещё там осталось такого,
Чтобы дорого было душе
В ожиданье последнего слова,
На последнем своём рубеже?
И какая запомнилась дата,
Или всё словно было вчера,
Но ни горе, ни боль, ни утрата
Ни на миг не коснулись пера?

Никуда не зову, не рыдаю, –
Оглянулся – стою и молчу, –
Я страны своей не покидаю
И судьбой за ошибки плачу.

* * *

Встречая новый век реформ и катастроф,
вновь русский человек не ждал и не готов,
но так как смена веков, – не в шутку, а всерьёз,
первоначальный смех сменяют реки слёз.
И как ни заклинай век новый смехачи,
он цедит: «Не лай!» – в том смысле, что молчи,
народ, – ты так хотел, ведь ты голосовал, –
ты сам страну раздел, сдал и четвертовал!
Так что теперь беречь, Кому «идти на вы»? –
твоя родная речь – уже не речь, увы,
а брань и новояз! И золотой кумир
понятнее для масс, чем прежний «новый мир», –
он прост, как дважды два: руби себе бабло,
а с ним всё – трын-трава, дрова, – добро и зло!
– Век, вот тебе народ для будущих побед, –
веди его вперёд, пока сияет свет...

* * *

Видно, нам не познать благодати,
Не отведав вожжей и кнута,
И в шестой не проснувшись палате,
И Христова не приняв суда!
Осыпается время застоя,
И ревет ураган перемен, –
И срывает все планы надоя,
И сдувает с ладони Камен;
И стоим, в чём случилось родиться,
Крест нательный сжимая в руке,
Вспоминая, как нужно молиться
На родном – на чужом! – языке...

* * *

В который раз нас подвело «чуть-чуть» –
Кольчужка, блин, опять коротковата!
А всё они, они – мордва и чудь, –
Мордва и чудь, конечно, виновата!
Эх, ёх-монах, едрит-мадрид-казань!
Вновь на дворе – железная эпоха,
Чем дальше в лес, тем больше дело дрань,
Тем слаще мёд в устах царя Гороха...!
А как, казалось, славно заживём:
Откроем двери, распахнём объятья,
Все флаги в гости снова позовём,
Мол, ком цю мир, их бин друзья и братья!
Наивный мой, доверчивый народ!
Умом страны такой мне не измерить, –
Вновь городить придётся огород
И снова ждать, надеяться и верить...